

ТАМ, ГДЕ НЕМАН НЕСЁТ СВОИ ВОДЫ

ГРОДНЕНЩИНА В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ДЕЯТЕЛЕЙ ИСКУССТВ

Исследованием каких бы проблем я не занимался, они неизменно выводили меня на сюжеты, которые имели отношение к жизни и творчеству светочей русской культуры на территории Принеманского края. На карте современного Гродно имеется почти два десятка улиц, носящих имена выдающихся русских писателей и деятелей искусства. Однако за исключением Гоголя и Маяковского, здесь бывали и другие.

Валерий ЧЕРЕПИЦА

Фото из открытых интернет-источников

Бухов А.С.

БУХОВ: «ИМЯ ЭТОГО ПИСАТЕЛЯ-ЮМОРИСТА ХОРОШО ЗНАЛИ В ГРОДНО»

Аркадий Сергеевич – поэт, прозаик и драматург родился в Уфе в семье железнодорожного служащего. В своих произведениях писатель-юморист всегда опирался на документы и факты, извлекая достойное язвительного разоблачения. При этом он никогда не терял чувства меры и вкуса. В качестве иллюстрации можно привести выдержки из его юмористического очерка «Мученики», посвящённого проблеме полноты, которая была в какой-то степени актуальна и для писателя:

«Ни с одним из физических недостатков люди так неохотно не мирятся, как с толщиной...»

Человек с оторванным ухом просто забывает о нём и очень сухо принимает все сожаления окружающих:

– На мой век и одного хватит, у рыбы совсем нет, а пойдите, приступите к ней. Осетрина – три рубля фунт, а в фунте и смотреть нечего. Кожа да жир...»

В 1917 году Бухов стал редактором «Нового Сатирикона», а после его закрытия была создана театральная группа, в которой писателю предложили заведовать репертуарной частью. Вместе с артистами он оказался на гастролях в Гродно.

Через Гродно прокатывались одна за другой волны Первой мировой и гражданской войн. По поводу тогдашних театральных гастролей Аркадий Сергеевич шутил так:

«Сегодня утром вы благополучно миновали границу и легли спать в соседней деревушке, а проснувшись узнаете, что граница бесшумно и внезапно переехала через вас на четыре версты дальше».

По словам известного юмориста, он в 1918 году несколько дней ловил бывшую русско-немецкую границу, которая перебежала с места на место с быстротой кролика. Наступление красных летом 1920 года застало Бухова в Гродно, «политическая история» которого сводилась к тому, что «сначала из Гродно очень многие уходили, потом туда очень многие приходили». Несмотря на частую смену властей гродненцы тянулись к театру, а произведения юмориста здесь многие знали очень хорошо.

ТВАРДОВСКИЙ: «С ГОРОДОМ ГРОДНО ЕГО СВЯЗЫВАЛИ ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ И ГОДЫ СОТРУДНИЧЕСТВА С ВАСИЛЕМ БЫКОВЫМ»

Главные вехи биографии поэта и писателя Александра Трифоновича хорошо известны многим поклонникам его творчества. Однако лишь отдельные из них что-то знают о гродненских страницах его жизни, а они несомненно имели здесь место.

В конце июля 1944 года подполковник Твардовский за написание своих поэтических произведений и многочисленных очерков об освобождении белорусской земли, а также за выступления во фронтовых частях перед советскими во-

инами, был награждён орденом Отечественной войны 2-й степени. Один из таких очерков сохранился в его записной книжке за 1944–1945 годы:

«18. VII. 1944. Поездка в Гродно: ...В городе продержались мы с редактором часа два, делая по возможности вид друг перед другом, что страшно нам не очень. А было очень страшно, томительно до утомления. Уже не испытываешь ни малейшего любопытства, томишься собственной неприкаянностью, праздностью здесь, где идёт тяжёлое дело, которым люди занимаются по прямому долгу. А ты стоишь с задачей постоять, поглазеть и рас-

Твардовский А.Т.

сказать затем не это, что видишь и переживаешь, — если уж это! — а то, что принято почему-то рассказывать по-корреспондентски в случае занятия города нашими и не иначе, как уже рассказывалось неоднократно, хотя здесь совсем другое.

А в городской типографии, куда мы заглянули по обычному интересу к таким местам, мы среди хлама бумаг, бланков, газет и прочего, в полном безлюдье и мрачной полутьме обнаружили под большим столом в брошюровочной человека в заношенной спецовке печатника, с измятым, давно небритым лицом. Он спал крепким, счастливым и трудным сном давно и тяжело пьяного человека. У изголовья стоял чайник, стакан не видно было. Человек спал, мы не стали его будить — это было бы безнадежно: он спал под грохот бомбёжки, артиллерии и всего прочего, что гремело и носилось над крышей этого здания; над потолками и над столом — дополнительным укрытием этой одинокой души».

Постепенно, в периоды редакторства Твардовского в журнале «Новый мир», особенно после получения им разрешения Хрущёва на публикацию рассказа Солженицына «Один день Ивана Денисовича», у поэта наметилось

стремление к утверждению либеральных ценностей в литературе и искусстве, идеологии и экономике, прикрываемых словами о социализме с «человеческим лицом». В этой атмосфере ожесточённой борьбы Твардовский искал для себя опору. Был ей и живший в ту пору в Гродно белорусский писатель-фронтовик Василь Быков.

Непосредственное знакомство двух писателей произошло в 1965 году, когда вместе с другими литераторами они участвовали в конгрессе писателей. Именно здесь главный редактор «Нового мира» пообещал Быкову, что хотя он ещё не читал его новой повести «Мёртвым не больно», тем не менее напечатает её... Своё обещание Твардовский сдержал, более того на протяжении шести лет их сотрудничества Василь Быков опубликовал в этом журнале три свои повести: к «Мёртвым...» добавились «Атака с ходу» и «Круглянский мост», что позволило провинциальному литератору подняться до уровня, которого до этого не было ни у одного белоруса.

Помню, как мы, гродненцы, не особо вникая во взаимоотношения этих литераторов, гордились своим земляком и всяк по-своему читали и относились к его произведениям: одновременно принимая и отторгая поступки их героев и мысли самого писателя. Бывали мы и на встречах с ним – немно-

гословным, мрачным и как будто бы продолжавшим жить на страницах своих тяжёлых книг. Однажды после одного из таких мероприятий у нас, в пединституте, я, гуляя с малышом-сыном вдоль полотна железной дороги, у старинных городских водонапорных башен, столкнулся лицом к лицу с идущим к нам навстречу Быковым. Он шёл в своём привычной плаще, с кепкой на голове и всё с тем же мрачным лицом. Понимая, что ему не до нас, я всё-таки не выдержал, и поравнявшись с ним сказал «здравствуйте», но он нас не только не заметил, но и не услышал. Сын сразу же спросил у меня: «А почему дядя с нами не поздоровался?». На что я ему ответил: «Это, сына, не просто дядя, а большой писатель, и сейчас он, наверное, сочиняет свою новую книжку».

КАРАСКЕВИЧ (ЮЩЕНКО): «ГРУСТНАЯ ИСТОРИЯ С ПРИФРОНТОВЫМ ГРОДНО»

Просматривая замечательные карандашные рисунки из походного альбома художника Леонида Сологуба, я обратил внимание на материал «Близ фронта. Рассказ С. Караскевич». Рассказ начинался с описания автором своих попутчиц по купе, поезда идущего от станции прифронтового Гродно летом 1915 года: пожилой женщины-горожанки и двух деву-

шек – сестёр милосердия. Спокойную атмосферу «женского» купе, внезапно нарушил молоденький прапорщик, недавний студент, схавший с фронта на Волгу за пополнением для своей части. Как водится в дороге, в тесном купе, между пассажирами постепенно возник разговор, а между прапорщиком и одной из сестричек завязался диалог, перешедший затем в приятное знакомство.

– *Есть в вас что-то такое... университетское, – как говорил отделённый юнкер моему брату в училище.*

– *Почти что так: я студент-путеец. На втором курсе был, не собирался на войну... Проводил брата, поехал в Петроград, – и вдруг получаю письмо, что наш фольварк сожжён немцами. ... Не мог я это стерпеть! В тот же день уехал в Гродну, простился с родителями.*

Упоминание в этом рассказе Гродно и гродненцев, необычайно тёплое отношение к образу молоденького офицера, как-то сразу натолкнули меня на мысль о том, что его автор – женщина и скорее всего наша землячка. Однако не все из этих предположений подтвердилось при первом ознакомлении с её биографией.

Караскевич-Ющенко Стефания Стефановна (урожденная Караскевич; псевдоним С. Караскевич) собирала местный фольклор. Первые произведения написаны в историко-биографическом жанре и адресованы детям. Основное место в творчестве начала XX века занял цикл рассказов и очерков «Дере-

Олеша Ю.К.

венские соседи». С началом Первой мировой войны стала много внимания уделять образам людей, опалённых её пожаром. Покончила с собой от тоски по сыну, погибшему на фронте. Последние строчки биографии писательницы кольнули сердце, утвердив меня во мнении, что, создавая образ прапорщика Владислава Охуты – главного героя рассказа «Близ фронта», она несомненно видела перед собой любимого сына. Не могло оставить меня равнодушным и тягостное писательницы к белорусской проблематике, в частности, нашедшей свое отражение в ее повествовании «Ефросинья, княжна Полоцкая». Оказывается, что в библиографии трудов, посвящённых знаменитой православной святой и просветительнице, небольшая работа Стефании Караскевич по сей день занимает своё почётное место.

Подлинным открытием для меня стал и тот факт, что внешний облик писательницы на момент начала её литературной деятельности запечатлён в образе главного женского персонажа знаменитой картины художника Николая Ярошенко «Всюду жизнь» (1888, Третьяковская галерея).

ОЛЕША: «ГРОДНО МНОГИЕ ГОДЫ БЫЛ РОДНЫМ ГОРОДОМ»

Великий Пушкин никогда не был на Гродненщине, но могилка

его пятимесячного внука на старом православном кладбище в Новогрудке сделала для нас жизнь и творчество поэта значительно ближе и роднее. Не могу не вспомнить с благодарностью и о сюжетах, которые были подарены мне доцентом-филологом Екатериной Васильевной Осокиной. Ей удалось выявить некоторые материалы о побывавшем в Гродно с группой футуристов Маяковского. Тогда же ей попала небольшая рукопись писателя о детективной

истории, происшедшей в Гродно в конце XIX – начале XX веков. Речь в ней шла о попытке некоего разорившегося купца сделать подкоп под здание местного банка...». Кое-что из рассказанного мне удалось расширить и углубить. Так мне удалось узнать о некоторых гродненских аспектах жизни и творчества известного советского писателя Ю. Олеша.

Отец писателя умер в августе 1944 года от ран, полученных при разрыве бомбы, а его мать Ольга Владиславовна вплоть до смерти автора знаменитых «Трёх толстяков», проживала в Гродно в небольшом доме на улице Мицкевича, 13А, куда изредка приходили письма и посылки из Москвы от сына. Она его ждала, но он, полностью охваченный литературной работой, лишь обещал, что вот-вот придет: «Как только закончу эту работу – немедленно отправлюсь к вам, в ваше загадочное Гродно, которое не раз видел во сне, когда думал о вас».

После возвращения из эвакуации Олеша жил то у одного, то у другого писателя. Его часто можно было видеть в Доме литераторов, но не выступающим в зале перед читателями, а внизу в ресторане, где он просиживал за стаканом крепкого напитка. Денег у него не было. Узнав, что существуют разные категории похорон советских писателей, он поинтересовался, по какой категории похоронят его. Ему объяснили, что похоронили бы его по самой высшей, самой дорогой категории. Олеша ответил: нельзя ли похоронить его по самой низкой категории, а разницу вернуть сейчас? Пристрастие к спиртному подрывало крепкое здоровье писателя, и он как мог боролся с этим недугом, который, судя по всему, мешал ему приехать к матери в Гродно в благоприятном для неё и соседей виде.

Сегодня имя Юрия Олеша носит одна из улиц нашего города. ■